

ются возможными дальнейшие теоретические и прикладные изыскания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сухих С. А. Личность в коммуникативном процессе. Краснодар, Изд-во Южн. ин-та менеджмента, 2004. 155с.
2. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистические аспекты. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. 180 с.
3. Сусов И. П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 1989. С. 9-25.
4. Белянин В. П. Психологические аспекты художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 1998. 123 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 207с.
6. Кочеткова Л. А. Лингвокультурные характеристики англоязычного рекламного дискурса: Автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградск. гос. ун-т, 1999. 19 с.
7. Алексеев А. А., Громова Л. А. Поймите меня правильно, или Книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми. СПб.: Экономическая школа, 1993. 328 с.
8. Киселева В. В. Варьирование вербальных реакций в аргументативном дискурсе: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2006. 19 с.
9. Кулишова Н. Д. Языковая личность в аспекте психолингвистических характеристик: Дис... канд. филол. наук. Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 2001. 113 с.
10. Шкуратова И. П. Когнитивный стиль и общение. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. пед. ун-та, 1994. 252 с.
11. Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дис... докт. филол. наук. Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 1998. 30 с.
12. Васильев Л. Г., Ощепкова Н. А. Прагматика аргумента: коммуникативный подход // Тверской лингвистический меридиан. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1999. № 3. С. 43-50.

*Александр Борисович КЕРДАН —
координатор Ассоциации писателей Урала,
кандидат философских наук*

УДК 316.3/4

СОЦИАЛЬНАЯ ПРЕСТИЖНОСТЬ: СУЩНОСТЬ, ПРОЯВЛЕНИЯ И КРИТЕРИИ

АННОТАЦИЯ. В статье делается попытка рассмотреть сущность феномена социальной престижности с философско-теоретических и культурологических позиций. Автор, рассматривая различные подходы, проводит сравнительный анализ взглядов на этот сложный социокультурный феномен российских и зарубежных исследователей. Исследование генезиса социальной престижности позволяет выявить специфические особенности социальной престижности в России, сформулировать определение ее сущности, основные функции и критерии.

It's for the very first time in the native science that in the article an attempt has been made to view the essence of the «social prestigiousness» phenomenon from philosophical-theoretical and cultural standards position. Conducts a comparative study of Russian and foreign researchers' view on this complicated socio-cultural effect as well as considers various approaches to it. Investigation of the social prestigiousness origin makes it possible to the author bringing to light peculiar Russian properties of social prestigiousness, to settle its substance definition, basic roles and hallmarks.

Проблема социальной престижности приобретает особую теоретическую и практическую значимость, в первую очередь потому, что престижные оценки лежат в основе всех человеческих отношений на разных уровнях и в различных сферах. Стратификационная сущность престижности проявляется и на мезо-, и на макро-, и на микроуровнях.

На мезоуровне все ярче проявляющиеся и ускоряющиеся процессы глобализации выдвигают на первый план проблему престижной самоидентификации России в новой геополитической обстановке. Престижность, создавая иерархию геополитических, экономических, транскультурных позиций различных государств, ставит под сомнение концепцию «равновесия систем», выдвигает идею «подтягивания мировой периферии» к державам, чей способ жизнедеятельности воспринимается как престижный.

На макроуровне, расширение возможности участия различных социальных групп (корпораций, страт) в управлении государством, в общественно-созидательной практике объективно ставит перед ними вопрос о престижности их положения в российском социуме и их роли в становлении новой российской государственности.

На микроуровне возрастает роль личностного фактора, индивидуальной воли в формировании престижности самого человека и социальной группы (корпорации, страта), к которой он принадлежит. На индивидуальном уровне престижность ранжирует людей, определяет их значимость и место в социуме. Мобилизация престижной личности на решение актуальных проблем в условиях социокультурной трансформации выступает одной из важнейших задач Российского государства по выходу из системного кризиса. При этом исследование механизма функционирования оценок (меток) престижа является необходимым условием формирования социальной престижности личности, соответствующей новым российским реалиям и международным стандартам.

Однако, несмотря на очевидную значимость исследуемого феномена, в философско-теоретическом и культурологическом плане в отечественной и зарубежной научной мысли до сих пор не выработано однозначного подхода к понятию сущности социальной престижности, не исследована ее система применительно к условиям России.

В трудах зарубежных социологов, политологов и культурологов социальный престиж исследовался прежде всего в рамках теории социальной стратификации или с точки зрения социального неравенства и социальных различий. Так, Б. Барбер, М. Вебер, К. Дэвис, Р. Мертон, У. Мур, Т. Парсонс, Э. Шилз, А. Рэдклифф-Браун рассматривают престиж как меру социального статуса и основание для деления общества на страты. При этом Т. Парсонс, У. Дэвис, Э. Шилз, У. Браун и Б. Барбер объективную картину общества изучали как модель, где социальные группы рассматриваются в качестве механизмов, выполняющих определенные функции, а индивидуальная престижность трактовалась одномерно в терминах психологии классов (только в аспекте порождения большей или меньшей эмоциональной удовлетворенности личностью своим социальным положением). В социологических работах К. Маркса, П. Сорокина, Т. Парсонса, Д. Ленски рассматривались объективные критерии, лежащие в основе социального неравенства, такие как образованность, экономический статус, профессионализм, обладание социальной властью и т.д.

Изучение престижа в данном контексте проводилось не только на теоретическом, но и на практическом уровне такими учеными, как Т. Гейгер, Р. Кеннинг, У. Уорнер, Р. Хатт, которые предприняли попытку эмпирически измерить показатели ранга социального престижа. Исследования принципов функционирования «престижного потребления» и предпосылок существования данного феномена во всех его формах проявления были осуществлены Т. Вебленом,

Г. Зиммелем, В. Зомбартом, Р. Миллсом, В. Паккардом, Г. Тарду. Проблемы глобализации престижных оценок и унификации механизма престижирования рассматривали Э. Гидденс, М. Кастельс и Р. Харрис.

Говоря о западных исследователях данного феномена, необходимо отметить, что наиболее детальное и обоснованное исследование социального престижа принадлежит М. Веберу и П. Сорокину, определившим престиж как меру социальных статусов и основу неравенства в обществе (М. Вебер), и как одно из оснований социальной мобильности (П. Сорокин). В контексте исследуемой проблематики значимыми представляются также: учение П. Бурдьё о роли габитуса в системе идентификации с престижной группой, исследования Э. Дюркгейма и Т. Парсонса о зависимости престижа от системы ценностей и Г. Шмоллера и Р. Вормса о различии социального и профессионального престижа. Важными являются также концепции глобализации престижных оценок М. Кастельса и престижа профессиональных групп в постиндустриальном обществе Д. Белла.

В отдельных отраслях научного знания на Западе рассмотрение престижа имеет свою специфику. Так, в западной политологии престиж, как правило, является объектом внимания в контексте изучения проблемы существования элит (П. Бурдьё), власти (Э. Каннети), политического лидерства (Ж. Блондель, Г. Лебон, Дж. Кенджеми). При этом политологи А. Джордж и Г. Лассуэл подчеркивают компенсаторную функцию престижа, позволяющую реализовывать личности (в социально приемлемых формах) чрезмерное стремление к власти.

Компенсаторная сторона социальной престижности подчеркивается и в исследованиях зарубежных психологов. Согласно психоаналитической концепции З. Фрейда, кроющееся в глубинах человеческой психики стремление к престижу связано с наличием у личности глубоких комплексов неполноценности. В контексте стремления личности к власти рассматривают престиж С. Московичи, К. Юнг, Э. Эриксон. Ученый А. Адлер утверждает, что стремление к престижному превосходству является врожденным фактором, изначально присущим каждому человеку, но зависящим от социальной среды, в которой развивается личность. Стремление к завоеванию престижа, по мнению этого автора, хотя и иллюзорно, но способствует развитию самой личности.

Представители гуманистического направления в западной психологии А. Маслоу и К. Роджерс рассматривают престиж как основу уважения и самоуважения человека, возможность наиболее полной реализации его личностного потенциала.

Заслуживает определенного внимания и мотивационный подход к исследованию социального престижа. Его представители Дж. Аткинсон, Д. Роттер, Х. Хекхаузен считают, что доминирование мотива достижения над мотивом стремления избежать неудачи позволяет наиболее точно прогнозировать заинтересованность конкретной личности в престиже.

При этом комплексный анализ показывает, что исследования престижа на Западе не систематизированы, не имеют единой научно-методической базы, неоднозначны и противоречивы.

В отечественной науке глубокого теоретико-методологического анализа функционирования социальной престижности во всех ее формах и проявлениях еще не предпринималось.

Первые попытки рассмотрения социального престижа с позиции профессионально-деятельностного подхода были осуществлены в 60-е гг. XX в. новосибирскими учеными под руководством В. Н. Шубкина [1]. Ими было введено в научный оборот понятие «престиж профессии», определившее дальнейший ход научной мысли в отечественной социологии. Предметом наиболее пристального изучения стала иерархия престижа и привлекательности различных сфер

профессиональной деятельности, как правило, без учета личностного фактора.

Так, украинские ученые исследовали специфические черты общественного сознания — детерминанты престижного отношения к действительности и связанной с этим профессиональной ориентацией молодежи [2, 3].

В Прибалтике ученые исследовали иерархию престижных профессий и сделали попытку выяснения зависимости шкалы престижа от социально-демографических и других факторов [4].

В начале 80-х гг. прошлого века стали появляться работы, посвященные исследованию различий в социальном поведении индивидов, их стремлению к престижу в зависимости от привлекательности деятельности, социально-экономических условий ее осуществления, заключенных в ней возможностей для творческого роста, повышения профессиональной квалификации, моральных и материальных стимулов [5].

В этих исследованиях при разработке престижа была сделана попытка учесть особенности личности (ценности, мотивацию, образовательный уровень). Однако она не получила дальнейшего развития.

В отечественной социологии, помимо упомянутого профессионально-деятельностного исследования престижа, ряд работ был посвящен рассмотрению его аксиологического аспекта [6, 7]. Представители этого подхода утверждали, что на основе сложившейся в обществе системы ценностей престиж ранжирует людей, группы, профессии в соответствии с их значимостью и актуальностью для социума. Однако упускалось из вида усиление значения индивидуальных ценностей и личностных оценок престижности, особенно в условиях ломки общественной системы ценностей, когда возникла ситуация превращения в эталоны тех критериев престижа, которые прежде считались девиантными.

Определенный вклад в разработку проблемы социальной и военно-профессиональной престижности внесли военные исследователи, сделавшие попытку рассмотреть престиж военной службы как подсистему социального престижа и специфическое социально-политическое явление, обусловленное сущностью и характером военно-профессиональной деятельности [8].

Сущность социального престижа рассматривалась этими исследователями в основном как отражение в общественном сознании реального положения отдельного человека или социальной группы (слоя) в системе общественных отношений характеризующее то влияние, уважение, которыми они пользуются в данном обществе. При этом социальный престиж представлялся прежде всего как оценка того или иного вида профессиональной деятельности в глазах всего общества, социальной группы или отдельной личности, то есть фактически, речь велась о социальном престиже, опосредованном профессией как видом деятельности. В то же время этими учеными недостаточно учитывалось то обстоятельство, что профессия, составляя основу социального престижа, не поглощает его целиком, ибо последний представляет собой более сложное социокультурное явление.

В 90-х гг. в отечественной науке сложилось несколько подходов к исследованию проблем социальной престижности. Среди них можно выделить стратификационный, деятельностный, акмеологический и аксиологический подходы.

Стратификационный подход представлен в работах Т. И. Заславской, С. И. Замогильного, В. И. Ильина, С. Г. Саблиной, В. В. Радаева, О. И. Шкаратан, где подробно проанализирована социальная структура общества, проблемы становления и трансформации элит, статуса профессиональных страт и отдельной личности [9].

К представителям деятельностного подхода к исследованию проблем социальной престижности можно отнести Г. В. Осипова, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, В. А. Ядова, в трудах которых глубоко исследуются механизмы

активности в культурной деятельности человека, определяемые как взаимодействие мотивов и стимулов, а также престижные установки и диспозиции личности (предрасположенность к определенному престижному поведению в конкретных условиях) [10].

Акмеологическое направление представлено в исследованиях А. А. Деркач, Н. В. Кузьминой, О. С. Анисимова, К. А. Абульхановой-Славской, Л. Э. Орбан [11]. Изучая феноменологию социального субъекта (человека и группы), эти ученые внесли определенный вклад в разработку технологий психотехники и мыслетехники, разработку закономерностей вершинных достижений корпоративной деятельности, создавая тем самым методологическую базу для исследования субкультур профессиональных слоев и социальных страт.

Наиболее яркими представителями аксиологического подхода являются С. Ф. Анисимов, А. А. Гусейнов, О. Г. Дробницкий, А. Вардомацкий, В. Г. Нецветаев [12, 13]. Этими учеными детально исследованы различные аспекты ценностных ориентаций личности, осуществлена дифференциация и систематизация ценностных представлений индивида и общества, предпринята попытка установить их связь с образами социальной престижности.

Отдавая должное представителям всех названных подходов, внесшим определенный вклад в изучение понятия «социальный престиж», необходимо отметить, что культурологическое исследование данного феномена до настоящего времени не проводилось.

Основываясь на анализе различных подходов к раскрытию сущности и содержания социальной престижности, необходимо заметить, что это понятие требует более глубокого, комплексного изучения, прежде всего как сложная социокультурная система.

Для выработки сущностного понятия социальной престижности обратимся к генезису этого феномена. Современными исследователями было выделено несколько этапов протекания генезиса социокультурных систем и определено, что в основе процесса социогенеза лежит синергетическая закономерность, ведущая к повышению специфичности всякого явления по мере саморазвития его структурной и технологической сложности [14].

Разделение труда и усложнение социальной стратификации человеческих сообществ стимулировали динамику деления культуры на обыденную и профессиональную. При этом к обыденной культуре относились такие нормы и стандарты жизнедеятельности, которые являются общими для людей, проживающих на одной территории, вне зависимости от профиля их деятельности. Эти стандарты и нормы передавались общими методами обучения и воспитания, обеспечивали общую социализацию индивида и усвоение им этнических, политических, религиозных и иных стереотипов поведения.

С профессиональной культурой были связаны нормы и стандарты, определяемые родом деятельности и взаимодействия индивида, принадлежностью его к определенному социально-профессиональному слою. Эти нормы и стандарты транслировались в основном методом специального профессионального обучения и культивировались особой профессиональной самоидентификацией. На уровне корпоративной социально-профессиональной идентификации и начал складываться особый тип ценностных ориентаций — образы социальной престижности, составляющие одну из важнейших компонент социально-сословной стратификации в культуре. Эти образы культивировались в процессе профессионального обучения, которое выделилось в самостоятельное направление социальной практики уже в раннеклассовую эпоху. Так, средневековое европейское рыцарство, древнерусские дружины, японские самураи и т.д. представляли собой уже чисто профессиональные корпорации воинов, не занимавшихся ничем,

кроме военного дела. Профессиональную подготовку они начинали с самого раннего детства и по мере овладения воинским искусством последовательно проходили разные статусно-квалификационные ступени.

Например, в рыцарской среде таковыми являлись: оруженосец, «не опоясанный» всадник, «опоясанный» рыцарь, баннерет. Важно отметить, что все названные ступени относились к рядовому, а не командному рыцарскому сословию [15]. При этом ранние формы профессионального обучения в основном сводились к индивидуальной передаче профессионального опыта от учителя к ученику. Позже появляются первые письменные наставления, своеобразные учебники рыцарства, в которых содержатся не только описания техники и тактики боя, но и нормы этикета, которые раньше распространялись посредством баллад трубадуров и менестрелей.

Статус рыцаря еще более закрепляется с появлением орденов, в которых существует строгая иерархия рангов. Престиж рыцарского сословия подкрепляется участием в рыцарских турнирах, крестовых походах и т.д.

В свою очередь, объединение представителей одной специальности в профессиональные корпорации (цеха, гильдии, ордена) ведет к формированию специфических субкультур, с присущими только им этическими нормами, правилами, иерархией статусов и ролевых функций, символикой престижности, профессиональными ритуалами и даже жаргоном.

Роль социальной престижности становится особенно ощутимой с появлением централизованных государств и стратификации их населения по чинам, званиям, сословиям, имеющим свой статус, привилегии, знаки внешнего отличия, а также свою мораль и этикет.

Рассмотрим, как соотносятся определения сословия, чина, сана, звания и привилегии в толковом словаре В.И. Даля.

«Сословие — люди общего им занятия, одних прав; звание, разряд, каста. Чин — степень, на коей человек состоит в обществе, звание, сан, сословие, состояние; степень жалованного служебного значения, достоинство, класс, коих у нас четырнадцать. Чиновник — служащий государю и жалованный чином. Сан — высокий чин или звание, знатная должность, жалованное достоинство, почет. Звание человека — сословное состояние его, или должность, обязанность. Привилегия — исключительное право в ремеслах и промыслах, личное право, преимущество. Привилегированные сословия — высшие или вообще, которым даны права, преимущества перед простым народом». [16; 277, 525, 576, 612, 712]

Все приведенные определения показывают, что маркерами социальной престижности в новое время начинают выступать не только принадлежность к тому или иному сословию, но и обладание определенными привилегиями, имущественными и иными правами, наличие общественного уважения, почета, жалованного чина, должности, наград, знаков отличия и т. д.

Одной из форм социальной престижности в этот период становится репутация, которая, по Далю, означает славу человека, добрую или дурную, общее мнение о нем. Слава, в свою очередь, трактуется как известность по качеству, общее одобрение, признание заслуг, самые почести [16; 563, 596.]. Таким образом, в понятии репутация сходятся воедино и честь, достоинство, реальные заслуги человека (сословия), и общественное признание этих заслуг, то есть социальная престижность являет нам здесь две свои стороны: внешнюю (социальный статус) и внутреннюю (духовно-нравственные, эстетические, профессиональные качества личности).

В процессе дальнейшей стратификации общества специальные субкультуры и профессиональные корпорации, связанные родственными технологиями, близкими социальными целями и интересами, постепенно объединяются в крупные социальные констелляции — сословия, касты, социальные классы. Важно, что

именно на этом этапе символы и ценности профессиональной деятельности, образы социальной престижности распространяются на обыденную культуру членов соответствующих социальных страт. Это явление можно охарактеризовать как формирование социально стратифицированных субкультур, каждая из которых может трактоваться как самодостаточный феномен, включающий в себя и элементы целостной культуры, и существующий сравнительно автономно от других социальных субкультур этого сообщества. Сочетание механизмов культурной диффузии с инерцией самодостаточности и породили тенденцию интернационализации сословных субкультур, в рамках которых представители родственных сословий разных сообществ чувствуют между собой гораздо большую идентичность образов и символов социальной престижности, нежели по отношению к представителям других сословий собственного сообщества (так называемый «классовый интернационализм») [14; 56].

Вместе с тем особенности историко-культурного развития разных стран несомненно накладывают специфический отпечаток на феномен социальной престижности в той или иной этнокультурной системе.

Примером может служить подмеченное Мизесом фон Людвигом различие в социальной престижности государственной службы в континентальной Европе и в США. Так, в Европе социальная и политическая дискриминация какого-либо меньшинства выражалась в запрещении его представителям занимать любые должности в учреждениях, какими бы скромными и низкооплачиваемыми они ни были. В Германии, Австро-Венгрии и многих других странах все эти низшие должности, не требовавшие ни особых способностей, ни специальной подготовки, такие, как должности слуг, посыльных, судебных приставов, курьеров и т. д., были официально зарезервированы за бывшими военными, которые добровольно отдали действительной военной службе больше лет, чем обязывал закон. Эти должности считались весьма почетной наградой для отставных сержантов и унтер-офицеров. В глазах общества получить место слуги в каком-либо учреждении было большой привилегией. В то же время, как отмечает Мизес фон Людвиг, если бы в Германии существовал класс с социальным положением американских негров, такие люди никогда бы не посмели даже претендовать на подобные должности [17].

Несомненно, феномен социальной престижности имеет свою специфику и в России, что во многом объясняется фетишизацией государственной власти в общественном сознании русского народа, когда культ государства выступает как бы одной из национальных святынь (соответственно ему существовал и продолжает существовать культ государственной службы, порождающий специфические образы социальной престижности).

Особенностью форм престижности в России выступает также их большая социализация по сравнению с аналогичными формами на Западе, где исторически преобладающими являются индивидуальные проявления данного феномена. О роли общественного мнения в российском обществе не однажды писали А. С. Пушкин [18; 162] и А. С. Грибоедов [19; 104].

Как еще одну особенность социальной престижности в России можно назвать приоритет духовно-нравственных ценностей (тесная связь с такими качествами, как совесть, долг, патриотизм) над ценностями материальными (уровень жизни, степень богатства), что обусловлено чертами русского национального характера и общим ходом культурно-исторического развития нашей страны.

Знание специфических черт исследуемого феномена позволяет дать определение социальной престижности на основе четырех взаимосвязанных аспектов ее сущности: гносеологического, онтологического, аксиологического и страти-

фикационного.

Гносеологическая основа сущности социальной престижности выражает отражение субъектом объективно существующих признаков, позволяющих обнаружить структурные элементы социальной престижности и способы их познания.

Онтологический аспект включает в себя совокупность структурных элементов (форм) социальной престижности, а также механизм их проявления в социальной практике.

Аксиологический аспект отражает социальную престижность как совокупность специфических ценностей общества (норм, целей, качеств), удовлетворяющих духовно-нравственным и материальным потребностям социума.

Стратификационная сущность социальной престижности заключается в многообразии ее проявлений в соответствии с видами и формами социальной деятельности, а также с подразделением общества на группы, корпорации, слои, социальные классы и т. д.

Единство всех аспектов сущности социальной престижности позволяет определить ее как интегральную социокультурную систему ролевых обобщенных показателей, которые воспроизводятся и отражаются в общественном сознании и общественном мнении, а также в сознании индивидуумов; свидетельствуют об особой значимости и роли социальных субъектов в системе общественных отношений, проявляющихся в специфической деятельности и имеющих стратегическое и структурное значение для данного социума.

Таким образом, социальная престижность, с одной стороны, выражает необходимость иерархизации общественной жизни через ориентированность индивидуального и группового поведения на определенные паттерны культуры, стереотипы, установки, ценности, мотивы, символы, что основывается на сформированной в процессе социогенеза потребности людей в мифологической сопряженности их идеалов с социальной практикой, с другой — представляет собой своеобразную, закрепленную в престижных образах, символах, нормах и ценностях программу социального поведения людей и их объединений.

Если обратиться к определению понятия «социальный престиж» в Энциклопедическом словаре, где данный феномен трактуется как значимость, привлекательность, приписываемая в общественном сознании различным сторонам деятельности: социальному положению, профессии, действиям людей, их психологическим качествам (инициативность, интеллектуализм), физическим достоинствам (красота), различным благам и, что особенно важно, социальным группам, институтам, организациям, то необходимо обратить внимание на тесную связь престижа с авторитетом, уважением и влиянием в обществе (престиж и переводится как «авторитет», «влияние»). [20; 1067] Авторитет, в свою очередь, определяется в широком смысле как общепризнанное влияние лица или организации в различных сферах общественной жизни, основанное на знаниях, нравственных достоинствах, опыте; в узком смысле — как одна из форм осуществления власти [20; 15].

В этой связи отметим, что высшей точкой стабильности социальной престижности выступает момент наиболее полного совпадения индивидуальных и общественных оценок ролевого поведения личности или группы, когда интериоризация общественно значимых ценностей превращается в индивидуальном или групповом сознании и поведении в подлинную морально-нравственную мотивацию.

В приведенных выше определениях социальной престижности хорошо просматривается диалектическое единство внешней и внутренней сторон данного феномена. При этом внутренняя сторона социальной престижности личности связана с наличием определенных престижных качеств, таких, как достоинство, честолюбие, амбициозность, креативность, гордость за профессию, потребность личного самовыражения, наличие мотивов индивидуального поведения в рамках избранной

профессии или социального страта. Внутренняя сторона социальной группы (корпорации) тесно связана с профессиональной (групповой) субкультурой, включающей корпоративную этику, честь, групповые цели и мотивацию и т. д.

Внешнюю сторону социальной престижности можно определить как социальный статус, выражаемый в положении личности или группы в обществе, материальном благополучии, наличии чинов, наград и т.д., а также наличие определенных критериев социальной престижности.

Таковыми критериями являются: уровень образования, материальное положение, престижность социальной позиции и обладание социальной властью (П. Сорокин, Т. Парсонс, Д. Ленски); качественные характеристики труда (его характер, мера сложности и степень ответственности), обобщенные и усредненные характеристики общественной значимости той или иной профессии (С. А. Войтович, Ю. Н. Вдовин).

Важным критерием представляется также степень социальной и правовой защищенности личности (корпорации), степень морального и материального стимулирования профессиональной деятельности, наличие устойчивого положительного общественного мнения о социальной группе или индивидууме. При этом в стабильном обществе одним из критериев социальной престижности может быть названа степень зависимости престижа от уровня образования и духовных качеств личности, в нестабильном — от материального благополучия и приближенности к власти.

Внешняя и внутренняя стороны социальной престижности имеют, помимо указанных содержательных компонентов, еще и функциональные, которые проявляются в практической деятельности всех участников процесса формирования исследуемого феномена: личности, социальной группы, общества. Функциональные компоненты обеих сторон социального престижа самым тесным образом связаны с его социальными функциями.

Важнейшей представляется функция самоидентификации личности с той или иной престижной группой, корпорацией, стратом. Эта функция близка с функцией самоутверждения, предусматривающей развитие в личности таких качеств, как чувство собственного достоинства, профессиональной гордости, уверенности в своих силах.

Функция информационно-профессионального ориентирования (функция фасцинации — привлечения в социальную группу) формирует у членов сообщества ту или иную профессиональную направленность, а достаточно высокая информированность о престижности той или иной профессии способствует правильному личностному выбору.

Функция стимулирования поощряет усилия личности (группы) по овладению той или иной специальностью, добросовестному выполнению своих служебных обязанностей или иной деятельности, присущей социальной группе (слою).

Компенсаторная функция социальной престижности заключается в степени морального вознаграждения личности (группы) за сложный характер деятельности, связанный с преодолением различных трудностей и лишений.

Функция индикации выступает своеобразным показателем соответствия общественной необходимости, значимости личности или страта их реальному социальному статусу и вознаграждениям, получаемым за труд.

Функция интеграции заключается в способности социальной престижности иерархизировать социальные слои и группы, выступать синтезирующей силой, объединяющей их в единый социум.

Эти и другие функции социальной престижности находятся между собой в диалектическом единстве и по своему характеру динамичны, могут менять свое качественное содержание под влиянием различных социокультурных факторов.

Можно выделить наиболее важные из них.

В первую очередь это факторы, связанные с историческим этапом развития общества. Специфика исторического периода, несомненно, формирует определенную общность социального опыта целых поколений, во многом определяя их отношение к образам социальной престижности.

Самое непосредственное воздействие на социальную престижность оказывают факторы, вытекающие из характера и особенностей социально-политического строя, отражающие весь спектр обстановки в социуме (формы политического правления, степень развития демократии, участия всех слоев общества в политической жизни, соблюдение свобод личности и т.д.).

В условиях социокультурных трансформаций социальная престижность видоизменяется по причине деформации всей системы социальных институтов, их переориентации на новые социальные нормы, ценности, отношения. Тем самым факторы социальной структуры определяют не только социальное пространство, но и возможности профессионального выбора личности.

И, наконец, еще одну группу составляют ситуационные факторы, связанные со способностями и спецификой личностных качеств самих индивидов, равно как и с особенностями их индивидуальных биографий.

Таким образом, мы рассмотрели онтологический, гносеологический, аксиологический и стратификационный аспекты сущности социальной престижности, представляющей сложную систему ролевых обобщенных показателей, отражаемых как в общественном сознании (мнении), так и в личностных оценках, мотивах установках отдельных членов сообщества, идентифицирующих себя с той или иной престижной группой, корпорацией, социальным стратом.

Социальная престижность синтезирует в себе оценки социальной значимости и привлекательности определенных видов деятельности, включая в себя такие статусные характеристики, как материальное положение, уровень образовательной и профессиональной квалификации, социальная и правовая защищенность, личностные качества, образ жизни и т.д.

Интеграционная, стимулирующая, компенсаторная и другие функции социальной престижности реализуются в конкретных социокультурных условиях, оказывающих на нее определенное воздействие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шубкин В. Н. Начало пути // Новый мир. 1976. № 2. С. 188-219.
2. Войтович С. А. Динамика престижа и привлекательности профессий. Киев: Наукова думка, 1989.
3. Осовский В. Л. Формирование трудовых ориентаций молодежи. Киев: Наукова думка, 1985.
4. Перна К. А., Титма Х. М. Престиж и привлекательность профессий // Высшая школа и социально-профессиональная ориентация учащейся молодежи. Тарту, 1975. С. 156-206.
5. Шкаратан О. И., Филиппова О. В., Демидова Л. Г. Социальный слой и профессия // Социологические исследования. 1980, № 3. С. 25-34.
6. Попова И. М., Моин В. Б. Престиж и привлекательность профессий // Социологические исследования. 1979. № 4. С. 83-90.
7. Кисель А. А. Ценностно-нормативный аспект отношения к труду // Социологические исследования. 1984. № 1. С. 47-55.
8. Вдовин Ю. Н. Престиж воинской службы (философско-политологический анализ): Дис. ... канд. филос. наук. М.: ГАВС, 1992.
9. Замогильный С. И. Динамика социальной дифференциации. Саратов, 1991.
10. Осипов Г. В. Социология как наука // Социальные исследования. 1968. Вып. 2.

11. Деркач А. А., Орбан Л. Э. Акмеологические основы становления психологической и профессиональной зрелости личности. М.: Мысль, 1995.
12. Анисимов С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1988.
13. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. М.: Мол. гвардия, 1988.
14. Флиер А. Я. Культурогенез. М.: Российский институт культурологии, 1995.
15. Карповский А. С. Субкультура рыцарства в контексте политической и правовой культуры средневековой Европы: Автореф. дис. ... канд. культурологии. М.: МГУКИ, 2003.
16. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
17. Мизес фон Людвиг. Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.gumer.info / bibliotek__Buks/ Polit/Mizes /05.php?show__comments](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Mizes/05.php?show_comments).
18. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Воронеж, 1975.
19. Грибоедов А. С. Горе от ума. Красноярск, 1979.
20. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

*Люцина Римовна МАРТЫНЕНКО —
соискатель кафедры философии*

УДК 004

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МУЗЫКИ И ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению характера взаимодействия музыки и поэзии в русской культуре XIX века. Рассмотрение проблемы с позиций широкого культурологического сознания позволяет увидеть более сложные связи художественных явлений внутри целостного текста культуры.

The clause is devoted to the character of relations of music and poetry in the Russian culture of the XIX centuries. The consideration of problem from the position of wide culturology studying makes it possible to see more complicated links of the artistic phenomena within the integral text of culture.

К вопросу взаимодействия искусств традиционно приковано научное внимание. Соотношение в культуре прозы и поэзии, как отмечает М. С. Каган, указывает на долю «музыкального элемента» в культуре: «Если само существование поэзии и ее природная музыкальность говорят о влиянии музыки на искусство слова, то соотношение сил поэзии и прозы в каждом типе художественной культуры говорит о месте, авторитете, роли в нем музыки» [1]. Один из теоретиков русского символизма, А. А. Блок, указывает на синтетичность русской культуры, поэтому синтез искусств на русской почве представлен достаточно широко. Необходимо отметить и литературоцентричность как традиционную черту русской духовной культуры, почти все в ней выражается через Слово. Это во многом определило характер отношений музыки и поэзии XIX века.

Музыкальные влияния в культуре XIX в. — это влияние музыки как вида искусства, проникновение в литературные произведения реалий музыкальной жизни. Такого рода влияния объясняются состоянием быта культуры. Домашнее музицирование, концертная практика, сложившаяся национальная музыкальная школа, развивающаяся музыкальная критика, дружба художественной интеллигенции — все способствовало тому, что музыка становилась частью сознания, провоцировала проникновение в глубины и тайны, олицетворяла духовность. В этой связи музыка — частая и значительная тема литературных произведений.